

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.15>

Куценко Борис Олегович

[Влияние Китая на события Русско-японской войны 1904-1905 гг](#)

Целью исследования является определение форм и степени вовлеченности Китая в события Русско-японской войны 1905 г. В статье описывается помощь, оказывавшаяся империей Богдыхана Японии в политической, военной и экономической сферах. Проводится анализ коррекции политического курса Китая в условиях изменения динамики хода боевых действий на Маньчжурском театре в 1904-1905 гг. Научная новизна исследования заключается в результатах анализа впервые опубликованных источников, которые дали возможность не только продемонстрировать объемы китайской помощи, но также определить изменение ее динамики в различные периоды Русско-японской войны. Полученные результаты исследования позволяют определить основные факторы, влиявшие на особенности развертывания армии Российской империи и специфику ее тактики и стратегии, проявленные в ходе основных сражений Русско-японской войны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/8/15.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 8. С. 93-98. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/8/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

История международных отношений и внешней политики

History of International Relations and Foreign Policy

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.15>

Дата поступления рукописи: 19.06.2020

Целью исследования является определение форм и степени вовлеченности Китая в события Русско-японской войны 1905 г. В статье описывается помощь, оказывавшаяся империей Богдыхана Японии в политической, военной и экономической сферах. Проводится анализ коррекции политического курса Китая в условиях изменения динамики хода боевых действий на Маньчжурском театре в 1904-1905 гг. **Научная новизна** исследования заключается в результатах анализа впервые опубликованных источников, которые дали возможность не только продемонстрировать объемы китайской помощи, но также определить изменение ее динамики в различные периоды Русско-японской войны. **Полученные результаты** исследования позволяют определить основные факторы, влиявшие на особенности развертывания армии Российской империи и специфику ее тактики и стратегии, проявленные в ходе основных сражений Русско-японской войны.

Ключевые слова и фразы: Китай; А. Н. Куропаткин; Русско-японская война; Япония; китайская армия.

Куценко Борис Олегович, к. филос. н.

г. Москва

kutsenko.relig@gmail.com

Влияние Китая на события Русско-японской войны 1904-1905 гг.

Исследование посвящено анализу особенностей взаимодействия китайской и японской монархий в период Русско-японской войны 1904-1905 гг. **Актуальность** работы определяется необходимостью рассмотрения современного этапа исследования вопросов русско-китайских дипломатических отношений начала XX в. и заключается в возможности изучить и оценить действия противоборствующих сторон на сухопутном театре военных действий в Маньчжурии на основании новых источников.

Для достижения этой цели в статье были решены следующие **задачи**: проведен анализ источников, позволяющий оценить политическую, экономическую и военную помощь Поднебесной, непосредственно оказанную Японии в 1904-1905 гг.; определены объемы этой помощи; продемонстрировано изменение динамики вовлеченности Китая в ход боевых действий на Маньчжурском театре. В **теоретическую базу** данной работы вошли источники Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), английская периодика ("The Amgita Bazar Patrika"), работы военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны (1910), а также исследования А. И. Андреева, В. А. Апушкина, М. Кристофера, А. Н. Куропаткина, А. Б. Спеваковского, А. А. Строкова, А. Б. Широкограда.

Основными **методами исследования** являются методы анализа, синтеза, конкретно-исторический метод и метод сравнительного исследования, примененные к научной проблеме политики китайской монархии в сложных геополитических условиях «Русско-японской войны».

Практическая значимость работы состоит в возможности реализации новых подходов и использовании введенного в научный оборот комплекса источников при дальнейших исследованиях актуальных проблем военной истории, внутренней политики и дипломатии Китая, связанных с событиями Русско-японской войны.

В начале 1904 г. в русско-китайских дипломатических отношениях складывается достаточно напряженная ситуация. Политика Российской империи в Маньчжурии и Тибете [1, с. 95], а также активное китайско-японское сотрудничество в довоенный период постепенно создали фундамент данного политического кризиса. С 1902 г. Китай вербует в свою армию японских инструкторов [3, д. 54, л. 184] и японский преподавательский состав для военных училищ [Там же, л. 281]. Северо-восточные области Поднебесной в предвоенный период активно заселяются подданными Японии [Там же], а в войсках начинает вводиться форма японского образца [Там же]. Все эти действия проводятся параллельно с назначением на государственные должности, определяющие политику империи Богдыхана, чиновников с прояпонской ориентацией [Там же, л. 160]. Естественно, что активную

помощь в милитаризации Китая в этот период оказывает Англия [Там же, д. 53, л. 321]. Для поддержания боевого духа китайского правительства Британская империя осуществляет концентрацию своих войск в районе Памира [7, с. 75] и вводит корпус Макдональда в сепаратистский Тибет, тем самым укрепляя в этом регионе позиции Китая и ослабляя влияние Российской империи в северо-западных областях Поднебесной. Английская пресса на своих страницах не только подогревает антирусские настроения, но также настойчиво проводит идею того, что интересы Японии являются интересами всей Азии [4, д. 927, л. 14].

Дальнейшие события показали явную недооценку китайской опасности как военным, так и дипломатическими ведомствами Российской империи, несмотря на то, что уже в начале января 1904 г. были получены официальные сведения о готовности Китая выступить в будущей войне на стороне Японии [3, д. 52, л. 114]. Генеральный Штаб русской армии, преувеличивая германскую угрозу [6, с. 77], не уделяет этим донесениям должного внимания. Начало Русско-японской войны было ознаменовано выдвижением 70-тысячного китайского корпуса к правому флангу маньчжурской армии А. Н. Куропаткина [8, с. 83], что сразу же сковало действия русской группировки и оказало влияние на стратегию и тактику боевых действий до самого конца войны. Дальнейшая политика Китая по передаче Японии своего мобилизационного ресурса [3, д. 56, л. 48], помощь Стране восходящего солнца в диверсионной войне [Там же, д. 63, л. 214], вербовке «хунхузов» [Там же, д. 57, л. 57] и координации их действий с японской стороной [2, с. 69], снабжении ее войск продовольствием [3, д. 54, л. 13] и стратегическими материалами [Там же, д. 63, л. 219] до определенного момента рассматривались нашим дипломатическим ведомством как допустимые. Уже в мае 1904 г. отмечается значительный уровень укомплектования японских нестроевых частей китайскими резервистами [Там же, д. 59, л. 231], а также совместные действия японской армии с крупными китайскими соединениями «хунхузов» (захват города-порта Дальний) [2, с. 69]. Тайная разведка, работающая в частях японской армии, в своих докладах отмечала следующее: *«На театре военных действий при японской армии много мстительных жителей китайцев, но в качестве разведчиков, кули, носильщиков»* [3, д. 59, л. 231]. По данным русского Генерального Штаба, численность нестроевых частей на тот период времени у японской армии колебалась в районе 25-26% от общей численности маньчжурской группировки [9, с. 56]. В русских войсках нестроевые части составляли в среднем 23%, и их численность колебалась в пределах 21-27% [Там же, с. 35], при этом, постоянно ощущая нехватку нестроевых частей и не имея возможности обходиться без них, командование было вынуждено на протяжении всей кампании выделять на их пополнение не менее 24-25% состава строевых частей [Там же, с. 37]. Этот факт свидетельствует как о значимости китайской помощи, так и о невозможности сторон в русско-японской кампании вести боевые действия без укомплектованных запасных частей. В связи с этим мы можем констатировать участие китайского элемента в боевых действиях Русско-японской войны к маю 1904 г. в количестве не менее 15% от японской группировки в Маньчжурии.

К августу 1904 г. отмечается значительное поступление китайского мобилизационного ресурса в японскую армию со сборных пунктов приграничных районов, переброска на территорию Маньчжурии крупных формирований хунхузов и подразделений китайских войск, работающих по контракту с армией Ямато. Также в этот период осуществляются первые выпуски китайских новобранцев для службы в строевых частях японской армии. Начиная со сражения под Ляояном и до окончания боевых действий отмечалось несоответствие заявленной численности японской армии и ее фактического состава на фронтах Маньчжурии [Там же, с. 55]. К примеру, по данным русской разведки, количество японских строевых частей уже под Ляояном превышало заявленную численность на 25% человек [Там же, с. 41]. В среднем этот сверхкомплект определялся русским Генеральным Штабом в 25% на протяжении всей кампании [Там же, с. 55]. Вводился этот дополнительный контингент путем создания в структуре японской армии как особых резервных частей, дополнительных рот в батальонах и даже особой резервной армии [Там же, с. 41-55]. По показаниям японских пленных, дополнительное комплектование осуществлялось как японскими солдатами, так и китайским элементом [3, д. 63, л. 147]. То есть китайская составляющая японской группировки в Маньчжурии к августу 1904 г. не могла быть меньше 20-25% от ее численности.

События декабря 1904 г. в корне изменили сложившийся паритет международных отношений. Именно в этот период времени китайские военнотруженики начинают активно использоваться в строевых частях японской армии в национальной [Там же, л. 142] либо в японской форме [Там же, л. 147]. Данное явление принимает настолько значительные масштабы, что не замечать его было затруднительно. 29 декабря 1904 г. Российская империя официально заявляет мировому сообществу о том, что тесные японо-китайские отношения и сама вовлеченность Китая в Русско-японскую войну не позволяют России рассматривать это государство как нейтральное, и империя оставляет за собой право свободы действий [Там же, л. 263]. Это заявление не означало еще объявление войны, но позволяло начать ее уже без него.

Данный дипломатический шаг оказал на китайское правительство отрезвляющий эффект, и, действительно, до конца войны в его политических шагах уже чувствовалась определенная осмотрительность, но события Русско-японской войны продолжали вносить в неё свои коррективы. Несмотря на то, что две державы стояли на пороге полномасштабной войны, Китай продолжает наращивать военную помощь своим японским братьям. В период с декабря 1904 г. по февраль 1905 г. в японской армии отмечается уже подтвержденное наличие в строевых частях крупных китайских соединений, часто в национальной китайской форме. Войсковая разведка русской армии констатирует следующие факты: *«Получено уведомление, что у Тайтинского перевала совместно с двумястами японцев действовала против нас организованная китайской отрядом в 300 человек, оставивший на мститель 7 трупов китайцев, одетых в стирья куртки 1ой, 2ой и бой сочень*

китайской милиции. По этому поводу представлен энергичный протест, указывая на явное содействие китайских властей, без которых такие отряды не могли бы организовываться. Второй случай явного нарушения нейтралитета по которому объявлен протест: Острова Мяо-Дао – переданы японцам под базу. Служат в качестве стоянки части блокирующей Артурь эскадры. Местное китайское население, кроме обслуживающего персонала выселено» [Там же, л. 142].

Также в этот период времени японцы проводят пополнение основной группировки из состава нестроевых частей [9, с. 53], что свидетельствует об их полном комплектовании китайскими военнослужащими и сверхкомплекте этих нестроевых частей, которые уже можно было использовать как боевой элемент. Расширяется география мобилизации мужского населения Поднебесной. Китайских резервистов правительственные чиновники начинают доставлять в японскую армию уже из отдаленных уголков страны.

Из-за увеличения численности всей японской группировки к марту 1905 г., участие китайских военнослужащих на ее стороне не могло быть меньше 30-35% от ее состава, с учетом того, что только 25% составляли нестроевые части, в тот момент ставшие практически полностью китайскими. Естественно, в эти цифры входят только комбатанты.

Потери Страны восходящего солнца к началу 1905 г. были, по мнению японского генералитета, ужасающими. Невосполнимые утраты убитыми, ранеными и заболевшими стали настолько значительными, что скрывать их становилось все более и более затруднительно. Генерал Ногу, руководивший штурмом Порт-Артура, писал следующее: «Один миллион императорских солдат участвовал в полевых боях при атаке крепости. Появилось много гор трупов. С каким лицом я вернусь в Японию и встречу с их родителями, воспевающими наши деяния в Маньчжурии?» [10, с. 173]. Не выдержав последствий этой страшной бойни японской армии, проведенной непосредственно под его руководством, японский генерал с разрешения императора Японии Муцухито совершил харакири [Там же, с. 175]. Чувствовавшая острую нехватку мобилизационного ресурса к концу 1904 г., в 1905 г. Япония уже фактически не могла обходиться без китайской поддержки. И пока интересы двух империй совпадали, Поднебесная оказывала военную помощь в неограниченном количестве. Подразделения китайской армии целыми гарнизонами «спонтанно» вливаются в структуру военной машины Ямато [3, д. 66, л. 82]. По всей линии фронта и на тыловых коммуникациях идут спорадические перестрелки между китайскими подразделениями, хунхузами и частями русской армии. Взятые в плен китайские солдаты с винтовками системы Арисака подтверждают свою принадлежность к китайской армии [Там же, д. 65, л. 168]. Боевые действия между частями русской и китайской армий с февраля становятся настолько обыденным делом, что протесты по этому поводу высказываются российскими дипломатами чуть ли не при каждой встрече и являются основной темой переговоров посла в Пекине – П. М. Лессара. На очередной протест японские министры отвечают дежурной фразой о том, что все части китайской армии, воюющие против России, очевидно, переодетые японцы, и китайское правительство не имеет к ним никакого отношения [Там же, л. 92]. Российские дипломатические представители также делают вид, что верят китайским коллегам. После завершения Мукденского сражения военно-политическая ситуация приобретает более пикантную форму. Николай II писал по этому поводу следующее: «Главнокомандующий увѣдомилъ, что, согласно полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, во всѣхъ оставленныхъ русскими войсками мѣстностяхъ, китайскія войска, несшія полицейскія обязанности, присоединились к японцамъ. Фактъ этотъ повидимому, подтверждаетъ сообщеніе Ваше о производимой японцами въ нейтральныхъ территорияхъ вербовка китайскихъ солдатъ и объ устройствѣ Японіею в Синминтинѣ военнаго управленія» [Там же].

Китайская армия в сопредельных территориях открыто вливается в структуру японской военной машины уже на официальных основаниях. Для начала, казалось бы, до неизбежного объявления войны остался один шаг, и в российском МИДе его с тревогой ожидали. Дело в том, что русская армия, отступив с Мукденских позиций, тем самым расширяла зону боевых действий, и японскому командованию, вследствие потерь и увеличения театра военных действий, стало не хватать подразделений для концентрации войск на основных оперативных направлениях и для одновременной охраны тыловых районов и стратегических коммуникаций. По этой причине Япония впервые официально выходит с предложением к китайскому правительству занять вооруженными силами Китая три района Маньчжурии [Там же, д. 64, л. 106-108], обеспечив тем самым охрану тыла и необходимый резерв японской армии. Согласие Китая с этим предложением для Российской империи означало официальное вступление Поднебесной в Русско-японскую войну на стороне Японии. Китайское правительство было согласно и попросило от японских представителей гарантий возвращения Маньчжурии в состав Китая после окончания боевых действий. Вскоре китайских представителей ждал неожиданный разворот событий. Оказалось, что Япония не собирается просто так отдавать эти территории, а требует выплаты значительных репараций для возмещения расходов японской казны на освобождение данных территорий [Там же]. С учетом того, что Китай надеялся получить в скором времени эти области бесплатно, для Поднебесной подобный разворот стал «холодным душем». Обе стороны, и китайская, и японская, считали позиции друг друга неприемлемыми [Там же]. Переговоры продолжались, но китайские представители срочно стали налаживать отношения с Санкт-Петербургом, заверяя российского представителя в Пекине в своей «сердечной тайной дружбе». Переход всей китайской армии на сторону Японии был «заморожен», и хотя угроза такого шага оставалась, Китай больше не верил японским заявлениям. Относился к ним с осторожностью и начинал все более уверенно проводить свой политический курс, опираясь в нем на представителей США. При этом естественно, что все китайские части, на тот момент влившиеся в ряды японской армии, продолжали воевать в ее составе, даже не догадываясь о «новом политическом мышлении», которое стало проводить в жизнь китайское

правительство. Япония, в свою очередь, не получив официальным путем нужного количества солдат, начинает агрессивную вербовку в китайской армии и уже сталкивается с отчаянным сопротивлением местных властей. Китайский чиновник докладывает по этому поводу министру Вайвубу: *«Японскія военныя власти въ послѣднее время вербуютъ въ свои ряды китайцевъ въ Губанцзы и прочихъ мѣстахъ. Солдаты изъ нашего южнаго войска узнавъ, что японцы платятъ хорошія деньги, начинаютъ дезертировать въ ряды японской арміи. Среди нашихъ солдатъ царитъ сомнѣніе и несмотря на то, что Командиръ Лу уже казнилъ трехъ перебежчиковъ, дезертирство не прекращается»* [Там же, д. 65, л. 87].

Одновременно с этим японские власти начинают собирать с захваченных китайских территорий налоги, проводят перепись населения и организуют параллельные органы власти [Там же, д. 66, л. 68]. Такого даже Российская империя себе не могла позволить. Данные действия вызвали панику среди местных китайских чиновников и растерянность в правительстве Поднебесной. Кроме всего этого, японцы стали открыто вмешиваться во внутренний межрелигиозный диалог китайского общества и царствующей семьи, что являлось для Китая взрывоопасным. Открыто поддержав интересы буддийских общин и монастырей, японцы раскалывали единство китайской нации, добившись при этом симпатии части общества и новых сторонников [Там же, д. 64, л. 43]. Все эти события привели к значительному охлаждению японо-китайских отношений в марте-мае 1905 г.

Тем временем ситуация на русско-японском фронте быстро меняется. В начале мая 1905 г. русская армия наносит удар по слабо защищенным тыловым коммуникациям японцев. Проводится знаменитый рейд генерала-лейтенанта П. И. Мищенко в направлении на Факумынь [10, с. 139]. В начале июня активизируется ведение войсковой разведки по всей линии фронта. В течение трех недель Генеральным Штабом была вскрыта практически вся японская группировка. Определены основные стратегические планы японского командования и найдены слабые места в японских позициях. Выявлены: недостаточная мобильность ее войск, отсутствие необходимого количества боеприпасов на передовых позициях и низкий уровень подготовки личного состава. Японская армия продолжает нести существенные потери убитыми, ранеными и пленными. Ее войска вынуждены активно маневрировать и вести локальные боевые действия практически по всей линии фронта, постоянно расходуя боеприпасы и материальную часть. Тыловые районы японской группировки быстро оголяются. Одновременно с этим охотничьими командами проводятся активные рекогносцировки в северо-западных районах Китая. Имитируется подготовка к захвату Урги с последующим движением на Пекин. С учетом того, что Китай перевел свои лучшие части на восток к границам Маньчжурии либо ввел их в состав японской армии, данное стратегическое направление было практически неприкрыто, а перебросить туда резервы для защиты Пекина было уже нельзя – сложившееся положение дел казалось китайскому правительству практически безнадежным. Русская разведка перехватила телеграфные переговоры китайского правительства и генерала Юаншикая, связанные с данной ситуацией. Князь Цин телеграфирует генералу Юаншикаю: *«Согласно неоднократным телеграммамъ изъ Илійскаго края русскія отряды производятъ съемку въ Или и Тербагатаѣ; есть слухи, что войска пройдутъ черезъ Кобдо и соединятся въ Ургѣ. Западная граница наша бедна деньгами и войсками. Ея Величество крайне не спокойна; получилъ повелѣніе обсудить съ Вами способъ дѣйствія»* [3, д. 67, л. 4]. Юаншикай отвечает князю Цину: *«О движеніи русскихъ съ запада трудно сказать, что-либо определенное, и полагаю, что оно трудно осуществимо. Нужно однако, имѣть в виду, что воспользовавшись нашей неподготовленностью, Россія можетъ захватить западныя окраины. Намъ необходимо быть на сторожѣ. Прошу предписатьъ Илійскому Цзянь-цзюню, немедленно перевести войска въ Чуэунчакъ и Коручинь. Ху-вей-те заявить энергическій протестъ объ удаленіи русской арміи изъ нашихъ предѣловъ, ибо всякія заявленія будутъ напрасны, когда начинается движеніе войскъ»* [Там же]. То есть даже японофил генерал Юаншинкай признает, что в случае нанесения русскими войсками удара с северо-западного направления расклад сил будет таков, что русские если и не возьмут Пекин, то захватят северо-западные провинции Поднебесной абсолютно свободно. В этой тактической позиции открыто начинать войну с Россией было слишком рискованно. Тем более – *«Ее Величество, крайне неспокойны»* [Там же].

22 июня китайское правительство получает согласие Японии на передачу ей трех областей Маньчжурии на его условиях [Там же, л. 51], но при новых обстоятельствах этого уже стало недостаточно для получения необходимой китайской помощи, на которую рассчитывало японское командование. При том, что активное маневрирование войсками уже началось, армия Японии вынуждена была войти в новую фазу противостояния с полностью оголенными тыловыми коммуникациями, чем тут же и воспользовалось русское командование. Таким образом, используя комплекс военных и дипломатических мероприятий, Россия смогла частично вывести Китай из противостояния в Русско-японской войне.

Данное обстоятельство поставило Японию в сложную военно-политическую ситуацию. Фронт в Маньчжурии все более расширялся, требуя для продолжения войны вдвое большего контингента сил, при этом Российская империя только начинала воевать. Её войска, в отличие от японских, постоянно пополнялись подготовленными кадровыми частями и в сапингайский период войны уже значительно превосходили войска Ямато, как по численности, так и по техническому оснащению. Постоянные непрекращающиеся боевые действия шли по всей линии фронта, что приводило к всевозрастающему расходу боеприпасов и людских ресурсов. В мае 1905 г. мобилизационный голод в Японии был таков, что чиновники вынуждены были снимать рабочих даже с предприятий, имеющих стратегическое назначение. Была отменена часть контрактов с Германией на поставку угля в связи с отсутствием необходимого числа рабочих-грузчиков [Там же, д. 69, л. 40]. Ситуация на фронте становилась угрожающей.

Японский генералитет уже не чувствовал былой уверенности в победе, более того, начинает строить достаточно пессимистичные прогнозы относительно исхода войны. А. Б. Спесивовский пишет следующее: *«После мукденского сражения главнокомандующий маньчжурской армией Ояма Ивао убедил правительство Камацура Таро начать мирные переговоры с Россией»* [10, с. 170]. Потери Японии были настолько существенными, что даже серьезная англо-американская финансовая помощь [12, с. 422] делала дальнейшее противостояние в Маньчжурии опасным. М. Кристофер отмечает в своей работе, что Япония подчеркивала стремление к переговорам, при этом он также вынужден признать кардинальное изменение военной обстановки на Маньчжурском фронте в пользу русских [5].

В апреле 1905 г. японский Генеральный Штаб приступает к созданию новой стратегии борьбы с Россией, очевидно, рассматривая в том числе и негативный вариант развития динамики боевых действий в Маньчжурии и Корее. Начиная с июня 1905 г., завербованные в японскую армию китайские военнослужащие направляются не только на русский фронт, но и в Японию для восстановления ее территориальной армии, которой к данному моменту уже практически не стало. Действительный статский советник Павлов писал об этой части китайских резервистов следующее: *«Китайцы эти преимущественно вербуются в долины Цзы. Берутся люди здоровые в возрастъ от 20-ти до 30-ти лѣтъ, условия жалованія от 8 до 12 иень въ мѣсяць и обязательство прослужить въ войскахъ не меньше пяти лѣтъ. Навербованные пребываютъ въ Шанхай партиями до восьмидесяти человекъ въ сопровожденіи агентовъ-японцевъ и партиями отправляются въ Японию на вѣсъ отходящихъ туда параходахъ, за исключеніемъ иностранныхъ почтовыхъ»* [3, д. 71, л. 82-83]. Только из одного порта Шанхая было отправлено в течение месяца более 5 тысяч китайских резервистов. По данным русской разведки, вербовались китайские подданные на срок до 5 лет с возможностью дальнейшего продления контракта [Там же]. Неуверенные в положительном исходе переговоров в Портсмуте, японцы продолжали массово завозить китайских рекрутов на свою территорию в августе 1905 г. и даже в сентябре еще не успели прекратить программу заселения японских островов китайским мобилизационным ресурсом [Там же]. То есть на последней фазе войны Китай спасал жизнями своих подданных уже не только маньчжурскую группировку японской армии, но и саму будущность Японии, возможность ее выживания как государства в условиях вероятного поражения в Китае, Корее и последующего обрушения ее экономики вследствие невыплаты займов Англии, Америке и транснациональным корпорациям. Сапингайский период отмечается как открытым переходом на сторону Японии крупных формирований китайской армии, постоянными боевыми действиями русских подразделений с ее частями на своих коммуникациях в Маньчжурии, так и расширением программы укомплектования японской армии китайскими резервистами, что выражается также в комплектовании китайскими контрактниками территориальной армии Японии. В связи с этим можно констатировать, что минимальная составляющая китайской помощи только мобилизационным ресурсом на последнем этапе войны не могла быть ниже 35-40% от численности всей японской группировки в Маньчжурии. Если же мы будем учитывать некомбатантов и стратегический резерв китайской кадровой армии, удерживающий значительные силы русской группировки в Маньчжурии, то эта помощь к концу войны приближалась к 50% всех мобилизационных ресурсов Японии, задействованных в Китае.

О начале переброски китайских резервистов на территорию Японии были хорошо осведомлены и Николай II, и его Генеральный Штаб. При подобных обстоятельствах ни о каком мире с Японией речи быть не могло. Портсмутские переговоры первоначально рассматривались русским императором и его генералитетом как неприятная, но необходимая дипломатическая формальность, а затягивание этой процедуры было связано непосредственно с личными инициативами статс-секретаря С. Ю. Витте, которые выходили за рамки его полномочий. 1 августа 1905 г. публикуется правительственное сообщение, в котором говорится следующее: *«Освѣдомившись изъ телеграфнаго донесенія Статс-Секретаря Витте о предъявленныхъ японцами чрезмѣрныхъ притязаніяхъ, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ полномъ убѣжденіи, что Богомъ въгрѣнный ЕМУ народъ не остановится ни передъ какими жертвами для защиты чести и достоинства дорогой Родины, Высочайше повелѣлъ СВОИМЪ Уполномоченнымъ прекратить дальнѣйшее обсужденіе условій мира с Японскими Делегатами»* [Там же, д. 70, л. 1-2]. В этот же день статс-секретарь С. Ю. Витте вынужден был уведомить президента США Ф. Д. Рузвельта о решении Николая II прекратить ведение дальнейших переговоров [Там же, л. 17], а 4 августа император, недовольный затягиванием процесса, пишет следующую резолюцию: *«Разъ переговоры должны прерваться на этихъ дняхъ, не нужно заключать перемирія»* [Там же, л. 38]. В связи с этим очевидно, что причина согласия Российской империи с японо-американскими предложениями не была связана с конкретной ситуацией на маньчжурском фронте, противоречила ей и является предметом отдельного исследования. На протяжении всей войны даже английская пресса, поддерживавшая боевой дух своего союзника, не всегда была единодушной в оценке перспектив Японии на сухопутном театре боевых действий и, более того, часто подчеркивала ее не совсем адекватную обстоятельствам смелость [13].

В сапингайский период сухопутные войска Ямато, да и вся экономика империи, находились в критическом состоянии. Япония уже использовала в боевых действиях 1,8% своего людского ресурса, Российская империя – только 0,5% [9, с. 63]. В этих условиях идеологическая и финансовая помощь англо-американской коалиции становилась малоэффективной, и Британия подключает для спасения японо-китайской группировки в Маньчжурии уже иные ресурсы. Начинается создание англо-американо-японского военного союза [3, д. 63, л. 46], заключается второй англо-японский военный договор с введением новых условий, которые содержатся в тайне [Там же, д. 70, л. 48], и на фоне этих событий, при посредничестве США, Российской империи настойчиво предлагают вступить в мирные переговоры с Японией.

Выводы. На сухопутном театре Русско-японской войны перед русской армией всегда находились как минимум два противника – Япония и Китай. Понимая возможность начала открытых военных действий со стороны Китая, с первого месяца войны и до ее окончания русский Генеральный Штаб вынужден был учитывать данный фактор при планировании стратегического развертывания войск. Китайские резервисты, с пятого месяца войны составлявшие значительную часть японской армии, регулярные части китайской армии и хунхузские формирования, активно действующие в структуре японских войск, – все они должны рассматриваться в качестве составных частей японской армии и соответственно отражаться в статистике при определении ее общего количественного состава и потерь. Китайская составляющая японских вооруженных сил не была стабильной и изменялась в различные периоды «Русско-японской войны» достаточно динамично. Уже в апреле 1904 г. она может быть оценена не менее чем в 15% (от численности маньчжурской группировки), к августу 1904 г. возрастает до 25%, в период октября 1904 г. – февраля 1905 г. ее численность колеблется от 30 до 35%, к августу 1905 г. она составляла ориентировочно 35-40%, а вместе с китайскими некомпатантами и регулярными войсками, оттягивавшими на себя значительные силы контингента русской маньчжурской армии, приближается к 50% от всех японских формирований в Маньчжурии. При оценке мобилизационного ресурса противника Российской империи на сухопутном театре 1904-1905 гг., очевидно необходимо учитывать совокупные возможности японской и китайской империй. А при определении экономического, военного и дипломатического потенциала коалиции, кроме включенности Китая в описываемые события, требуется учитывать также помощь Англии, США и Германии, только благодаря которой японо-китайская группировка в Маньчжурии смогла выстоять до августа 1905 г.

Список источников

1. Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Нартанг, 2006. 464 с.
2. Апушкин В. А. Русско-японская война 1904-1905 гг. М., 1910. 215 с.
3. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 143. Оп. 491.
4. АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485.
5. Кристофер М. Русско-японская война 1904-1905 гг. М.: Центрполиграф, 2003. 224 с.
6. Куропаткин А. Н. Русско-японская война 1904-1905 гг. СПб.: Полигон, 2003. 493 с.
7. Куценко Б. О. Русско-английский конфликт на Памире. Несостоявшаяся война 1902 г. // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2020. № 2 (67). С. 67-78.
8. Русско-японская война 1904-1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны: в 9-ти т. СПб., 1910. Т. I. 857 с.
9. Русско-японская война 1904-1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны: в 9-ти т. СПб., 1910. Т. VI. Сынгайский период. 664 с.
10. Спеваковский А. Б. Камикадзе. Божественный ветер в истории Японии. СПб.: Паритет, 2013. 448 с.
11. Строков А. А. История военного искусства: в 5-ти т. СПб.: Омега; Полигон, 1994. Т. 5. 711 с.
12. Широкопад А. Б. Русско-японские войны. 1904-1945 гг. Мн.: Харвест, 2003. 720 с.
13. The war // The Amrita Bazar Patrika. 1904. Vol. XXXVL.

China's Influence on the Course of the Russian-Japanese War of 1904-1905

Kutsenko Boris Olegovich, PhD

Moscow

kutsenko.relig@gmail.com

The paper aims to identify the forms and level of the Chinese involvement in the Russian-Japanese war of 1904-1905. The article considers the issue of the Bogdyhan Empire's political, military and economic assistance to Japan and analyses changes in China's political course conditioned by specificity of the military situation in Manchuria in 1904-1905. Scientific originality of the study involves analysing previously unpublished sources, which has allowed the author to reveal the level of the Chinese assistance to Japan and to identify changes in dynamics of the Chinese-Japanese cooperation in different periods of the Russian-Japanese war. The research findings are as follows: the basic factors that determined the Russian military strategy and tactics during the Russian-Japanese war are singled out.

Key words and phrases: China; A. N. Kuropatkin; The Russian-Japanese War; Japan; Chinese army.